

Появление Лу Чжоняня застало Чэнь Цзэмяня врасплох — удивлён он был не меньше остальных.

Похоже, их звёзды с Лу Чжонянем решительно не сошлись в небесной канцелярии.

Ну почему всякий раз, когда он распускает кулаки, этот человек вырастает перед ним как лист перед травой?

Стоило огромных трудов усыпить бдительность этого господина, а теперь уровень подозрений снова взлетит до небес. Чёртов Сюй Шаоян, чтоб его черти драли.

С другой стороны, совпадение вышло просто чудовищным. Лу Чжонянь и в обычные-то дни не жаловал Международный стрелковый клуб АК визитами, а если и заглядывал, то уж точно не ради встреч с Чэнь Цзэмянем.

В последний раз они виделись — дай бог памяти — больше полумесяца назад. С чего вдруг такой внезапный визит? Всё выглядело так, будто парень приехал ловить его с поличным.

Не зная Цзэмянь сюжета романа, в котором чёрным по белому говорилось о вечной вражде семейств Лу и Сюй, он бы точно решил, что напыщенный Сюй Шаоян здесь ради контролируемой провокации, устроенной самим Чжонянем.

Сюй Шаоян опешил.

Меньше всего он ожидал встретить здесь наследника семьи Лу. Но ещё большим ударом стало осознание того, на кого именно работает этот наглый Чэнь Чжэ.

Неужели этот престижный Международный стрелковый клуб АК — собственность клана Лу?

Лу Чжонянь неторопливо вошёл в зал. Его взгляд веял могильным холодом, а в негромком голосе звенела свинцовая тяжесть:

— Сюй Шаоян, похоже, ты успел позабыть наш прошлый разговор.

Сердце Шаояна пропустило удар, отозвавшись тупой болью в рёбрах. Сглотнув слюну, он выдохнул:

— Лу Чжонянь, полегче! Вообще-то это твой подчинённый меня избил.

Лу Чжонянь ответил сухо, как судья, зачитывающий приговор:

— Я видел, кто первым распустил руки.

Зрители, затаившие дыхание, тут же загалдели, принимая сторону сильнейшего:

— И то правда! Сам ведь на паренька набросился.

— Да этот тип с самого входа орал как ненормальный, явно нарывался.

— Сотрудник с ним вежливо, по-человечески говорил, а этот сразу в драку полез.

— Псих какой-то. Как таких вообще в тир пускают? Это же опасно!

— Эй, охрана, заберите у него оружие от греха поближе! Полицию, полицию вызывайте!

Перешёптывания и косые взгляды толпы сделались почти осязаемыми. Гул неодобрения обрушился на Сюй Шаояна лавиной, безжалостно хлеща по самолюбию.

Щёки Шаояна горели огнём, корни волос закололо от унижения. Ему почудилось, будто он стоит на позорном столбе под градом плевков и насмешек.

— Да он первый меня оскорбил! — сгорая от стыда и бессильной злобы, Шаоян сорвался на визг. Он ткнул дрожащим пальцем прямо в нос Чэнь Цзэмяню: — Он первый меня обложил!

Никто из зевак не слышал от Цзэмяня ни единого дурного слова. Глядя на налитые кровью глаза Шаояна, люди испуганно притихли и попятились, словно перед ними был бешеный пёс, готовый в любой миг кинуться на толпу.

Для того, кто окончательно потерял лицо и не мог подтвердить свои слова, такие взгляды были изощрённой пыткой.

Он дико, исподлобья зыркнул на Чэнь Цзэмяня. Физиономия Шаояна налилась багровым цветом, глаза воспалились, а ноющие рёбра ежесекундно напоминали о перенесённых побоях и оскорблениях.

И весь этот сброд винил его!

«Да ведь это меня отмузулили!»

Сюй Шаоян ещё никогда в жизни не испытывал подобной несправедливости. Обида душила его.

Теряя остатки разума, он рванулся вперёд, мертвой хваткой вцепился в предплечье Цзэмяня и истошно заорал:

— Ты ведь меня оскорбил?! Ну же, скажи им в лицо, что обозвал меня!

Чэнь Цзэмянь покладисто закивал головой:

— Ну да. Всё так, подтверждаю.

Шаоян уже набрал в грудь воздуха, готовый разоблачить чужую ложь, но от такой обезоруживающей честности подавился собственными словами. Гневные возражения застряли в глотке, едва не задушив его.

«Он что, конченный? Почему он вечно ломает все сценарии?!»

Накал страстей в душе Шаояна достиг критической отметки, но после этого лаконичного признания вся его ярость лопнула, как мыльный пузырь, оставив после себя лишь растерянность.

Поняв, что наконец-то восстановил истину, Шаоян сжал руку на плече парня крепче и торжествующе вскинул подбородок, глядя на Лу Чжоняня:

— Ну вот! Слышал? Он сам во всём сознался!

Лу Чжонянь процедил сквозь зубы:

— Руки убрал.

Но Шаоян, прижимая ладонь к ноющим рёбрам, упрямо стоял на своём:

— Твои люди совсем берега попутали. Нападают на клиентов, оскорбляют... Хрен я это так оставлю!

Во взоре Лу Чжоняня сквозило ледяное равнодушие:

— И чего же ты требуешь?

Почувствовав призрачное преимущество, Шаоян окончательно потерял берега:

— Пусть бьёт поклоны и вымаливает прощение на коленях!

При слове «колени» толпа нестройно ахнула. Подобное требование отдавало средневековой дикостью.

Цзэмянь едва не прыснул от смеха. Пришлось срочно опустить голову, чтобы скрыть расползающуюся по лицу ухмылку.

«Встать на колени и вымаливать прощение... Какая же избитая фраза из пацанского фэнтези! Надо же было лично нарваться на этот махровый штамп. До смерти смешно»

Цзэмянь наивно полагал, что успел вовремя взять лицо под контроль, но от зоркого взгляда Чжоняня ничто не могло укрыться. Тот не просто засёк его неуместное веселье. Чжонянь заметил, как в изгибе склоненной тонкой шеи скользнула крошечная, ярко-алая родинка. Едва заметная, но вызывающе красная.

Лу Чжонянь неосознанно потер подушечки пальцев и негромко скомандовал:

— Чэнь Чжэ, прекрати паясничать.

Улыбка Цзэмяня мгновенно увяла. Веселье как рукой сняло.

«Что у него за зрение такое? Как он вообще умудрился заметить?»

Шаоян вытаращил глаза от изумления. Он бесцеремонно развернул Цзэмяня к себе за плечи, вглядываясь в его лицо:

— Ты... ты что, издеваешься?! Тебе ещё и смешно?!

Глаза Лу Чжоняня опасно прищурились:

— Чэнь Чжэ, подойди ко мне.

Цзэмянь вскинул голову и наткнулся на бездонный, как ночное небо, взгляд Чжоняня. Поняв, что лимит шалостей на сегодня исчерпан, он решил не искушать судьбу. Резким кистевым заломом он заставил Шаояна разжать пальцы и, кротко опустив голову, зашагал к хозяину заведения.

Шаоян даже не успел сообразить, что случилось. Сустав большого пальца прострелило острой болью, заставив выпустить чужой рукав, а когда он проморгался, Цзэмянь уже стоял у ног Чжоняня.

Каким бы безрассудным ни был этот напыщенный индюк, переходить дорогу Лу Чжоняню и пытаться вырвать парня у него из-под носа он бы не рискнул даже под дулом пистолета.

Шаояна душила бессильная злоба. Он искренне не понимал, какая муха укусила грозного наследника Пекинского элитного круга и с чего вдруг тот впрягается за ничтожного прихвостня.

Он попытался вставить слово, но Лу Чжонянь уже исчерпал весь свой запас великодушия. Он холодно бросил:

— Оставим эти излияния для протокола. Объяснишься перед полицией.

Шаоян вытаращился на него, не веря собственным ушам:

— Ты вызываешь легавых из-за такой херни?! Тебе вообще плевать на репутацию собственного заведения?!

Лу Чжонянь пропустил его кудахтанье мимо ушей. Он лишь скользнул взглядом по лицу Цзэмяня, безмолвно приказывая следовать за ним, развернулся и зашагал к выходу.

Чэнь Цзэмянь взвешивал варианты — подчиниться ли сразу или разыграть невинную овечку — ровно долю секунды. Инстинкт самосохранения победил: состроив самую благочестивую мину, он послушно поплёлся следом.

Стражи порядка без лишних проволочек изъяли записи с камер видеонаблюдения и опросили всех, кто присутствовал в тренировочном зале.

Дело вышло пустяковым. Видеозапись вещала красноречивее любых слов, а показания свидетелей идеально сошлись в единую мозаику, не оставив места для двояких толкований.

Шаояну светило обвинение в злостном хулиганстве, но не успели чернила на первом протоколе высохнуть, как его спешно отпустили под залог.

Цзэмянь ни на секунду не сомневался в таком исходе. Сын столь почтенного семейства не задерживается на жёстких нарах. Он ничуть не расстроился, лишь философски заметил:

— В принципе, если опустить тот фокус со стволом, на «особо тяжкое» его художества всё равно не тянули.

— Статья тут ни при чём, — Лу Чжонянь выдержал многозначительную паузу и, дождавшись, пока собеседник поднимет на него недоумевающий взгляд, бесстрастно пояснил: — Его отпустили под подписку по состоянию здоровья. На госпитализацию.

Чэнь Цзэмянь лишь молча моргнул.

Лу Чжонянь уставился на него, не сводя глаз добрых три секунды.

Не понимая, чего от него хотят, Цзэмянь озадаченно склонил голову набок.

Чистый дикий кот: настороженный, любопытный и чертовски задиристый. Стоит кому-то неосторожно протянуть к нему руку, как он тут же выпускает когти.

Лицо Чжоняня не выдавало эмоций, но внутри у него вопросов было поболее, чем у побитого Сюй Шаояна.

«Что же должно было стрястись в жизни этого человека, чтобы перевернуть его характер с ног на голову?»

С той памятной ночи, когда он проломил череп У Сюю, этот Чэнь Чжэ словно включил режим берсерка. Меньше чем за месяц он умудрился ввязаться в несколько потасовок, причем каждый раз бил всё изошрённое и беспощаднее, а список его жертв рос как на дрожжах.

Если не накинуть на него узду сейчас, каких делов он ещё наворотит?

Чжонянь опустил взгляд на запястья Цзэмяня — тонкие, изящные, с резко очерченными косточками. В голове не укладывалось, как эти хрупкие руки могли развить такую разрушительную силу. Ведь он не просто швырнул упитанную тушу Шаояна весом под восемьдесят килограммов, но и в момент броска умудрился придать телу ускорение, буквально впечатав соперника в бетонный пол.

От обычного падения с высоты человеческого роста подобные увечья не получают. Тут явно приложили направленное усилие.

Вердикт врачей звучал сурово: обширные гематомы, три сломанных ребра и ещё шесть — с глубокими трещинами.

Услышав приговор, Цзэмянь даже растерялся:

— Надо же... Неужели так много?

Лу Чжонянь бесстрастно кивнул:

— Трещин больше, чем переломов.

Заметив, что взгляд Чжоняня снова прикован к его рукам, Цзэмянь поспешно одёрнул рукава худи и попытался перевести стрелки:

— Наверное, это ваш Шаоян просто какой-то стеклянный попался.

Ну конечно, дело исключительно в хрупкости оппонента.

Изнеженный сынок богатых родителей привык к тепличному уходу. Его в жизни никто пальцем не трогал, иммунитета к хорошей трёпке ноль — вот тело и посыпалось от лёгкого, дружеского объятия с полом.

Чжонянь оставил эту детскую отмазку без комментариев, лишь сухо констатировал:

— Слишком уж легко он бьётся.

— И с такими деликатными костями лезть на рожон? — деланно возмутился Цзэмянь, продолжая валить с больной головы на здоровую. — Бьюсь об заклад, он сам себе рёбра доломал по дороге в больницу. Чистой воды подстава, лишь бы меня посадить!

Лу Чжонянь спокойно отозвался:

— Срок ты не получишь.

Цзэмянь заинтересованно вскинул брови и с нескрываемой надеждой уставился на собеседника:

— Чистая правда?

Лу Чжонянь коротко уронил:

— Обещаю.

Получив веское слово от всемогущего протагониста, Цзэмянь шумно выдохнул, сбрасывая напряжение:

— Раз молодой господин Лу уже обо всём договорился и смазал нужные шестерёнки, то мне и переживать не о чем. А я-то, дурак, разволновался.

— Никаких «договоров», — Лу Чжонянь смерил его строгим, почти отеческим взглядом сверху вниз. — Подкуп должностных лиц — уголовно наказуемое деяние, Чэнь Чжэ. Не забывай об этом.

Чэнь Цзэмянь лишился дара речи.

Он невольно отшатнулся назад, ошарашенно глядя на мужчину. Но тот оставался абсолютно невозмутим — на лице ни тени иронии, он действительно читал ему лекцию по правоведению.

На какую-то долю секунды Цзэмяню показалось, что они с этим праведником застряли в двух абсолютно разных книгах.

В оригинальном романе ради дешёвого читательского восторга Лу Чжоняня наделили поистине безграничным влиянием. Все вопросы этот крутой парень щелкал как орехи: один звонок нужным людям, один обед в закрытом клубе — и вуаля, любые проблемы испарялись, а враги отправлялись на корм рыбам. Настоящий каноничный повелитель судеб, которому закон не писан.

И с какого боку этот пафосный герой боевика вдруг заделался поборником конституции и начал читать лекции о правопорядке?

Мир вокруг определённо трещал по швам.

«Да я-то прекрасно знаю, что взятки давать нельзя! Беда в том, что все вы, здешние мажоры, про закон обычно слыхом не слыхивали!»

В легком ступоре Цзэмянь даже забыл про вежливые обращения:

— Но если ты ни с кем не договаривался, откуда тогда уверенность, что меня не закроют?

Лу Чжонянь ответил с поистине железобетонным спокойствием:

— Я верю в беспристрастность и неподкупность нашего правосудия.

<http://bllate.org/book/19805/2007268>